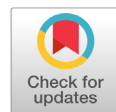

ЯЗЫКОЗНАНИЕ LINGUISTICS

<https://doi.org/10.15507/2076-2577.26183.347-361><https://elibrary.ru/oscertq>

УДК / UDC 81'367.622.21:81'366(=511.131)

Оригинальная статья / Original article

Морфологические особенности имени существительного алнашского говора удмуртского языка

К. Ф. Абросимова^{1,2}¹ Удмуртский федеральный исследовательский центр
Уральского отделения РАН, г. Ижевск,
Российская Федерация, <https://ror.org/03aesme15>² Удмуртский государственный университет,
г. Ижевск, Российская Федерация, <https://ror.org/00yp6m473>
kristi.bubina@gmail.com

Аннотация

Введение. В диалектных системах под влиянием социально-экономических факторов и экстралингвистической интерференции происходят разнонаправленные процессы – утрата реликтовых черт и появление инноваций. Для удмуртской диалектологии указанная проблема особенно значима в отношении южного ареала, говоры которого, функционируя в условиях интенсивного контакта с русским языком и литературной нормой, остаются фрагментарно изученными. Цель исследования – описание морфологических характеристик имени существительного в алнашском говоре (микросистема южного диалекта). В статье анализируются образование множественного числа, дистрибуция маркеров *-ос* и *-йос*, а также количественный состав падежной парадигмы и инвентарь словоизменительных суффиксов. Для выявления идиомной специфики материал говора сопоставляется с данными других удмуртских микросистем.

Материалы и методы. Эмпирическую базу исследования составили полевые материалы, собранные автором в ходе экспедиций в 2024 и 2025 гг. в населенных пунктах Алнашского района Удмуртской Республики, а также корпус текстов, зафиксированных студентами Института удмуртской филологии, финно-угроведения и журналистики. Исследование базируется на описательном методе, применяемом для системного анализа и верификации эмпирического материала. Для выявления системных параллелей с другими диалектными ареалами удмуртского языка применяется сравнительно-сопоставительный подход. Диахроническое осмысление исследуемых явлений осуществляется посредством сравнительно-исторического метода.

Результаты исследования и их обсуждение. Анализ морфологии имени существительного алнашского говора выявил ряд черт, определяющих его статус в рамках южного наречия. В морфологии зафиксировано расширение сочетаемости суффикса множественного числа *-йос* (как после консонантных, так и после вокалических основ), регрессивная ассимиляция гласной *-а* основы последующему гласному *-о*- маркера множественности, а также спорадическое уподобление начального *-й*- маркера множественного числа *-йос* предшествующим согласным основы. Данные явления характерны для собственно южного диалекта и частично представлены в отдельных северных и срединных говорах. В падежной системе отмечается сокращение парадигмы за счет утраты адвербиала и аппроксиматива, чьи функции перешли к аналитическим послеложным конструкциям. В фонетическом оформлении отдельных падежных маркеров выявлены изоглоссы, противопоставляющие южные говоры северным: в аккумулятиве множественного числа используется суффикс *-ыз* (в северных диалектах – *-ты*); для элатива и эгрессива характерны показатели *-ис'* и *-ис'эн* (в северных – *-ыс'* и *-ыс'эн*). Совокупность выявленных черт свидетельствует о системных языковых процессах в южном наречии, отражающих процессы внутренней перестройки морфологической системы.

Заключение. Анализ морфологии существительного в алнашском говоре показывает его значительное сходство с другими южноудмуртскими микросистемами. Дальнейшие ареальные исследования нижнеижского континуума и смежных говоров необходимы для уточнения внутренней классификации диалектов и реконструкции эволюционных путей их морфологического строя.

© Абросимова К. Ф., 2026

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Ключевые слова: удмуртский язык, диалектная морфология, южные диалекты, алнашский говор, имя существительное, множественное число, словоизменительная парадигма

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Абросимова К.Ф. Морфологические особенности имени существительного алнашского говора удмуртского языка. *Финно-угорский мир*. 2026;18(3):347–361. <https://doi.org/10.15507/2076-2577.26183.347-361>

Morphological Features of the Noun of the Alnash Dialect of the Udmurt Language

K. F. Abrosimova^{a, b}

^a Udmurt Federal Research Center of the
Ural Branch of the Russian Academy of Sciences,
Izhevsk, Russian Federation <https://ror.org/03aesme15>

^b Udmurt State University,
Izhevsk, Russian Federation, <https://ror.org/00yp6m473>
kristi.bubina@gmail.com

Abstract

Introduction. Dialect systems undergo multidirectional processes under the influence of socio-economic factors and extralinguistic interference, including both the loss of relic features and the emergence of innovations. In Udmurt dialectology, this issue is particularly significant with regard to the southern area, whose local varieties remain only fragmentarily studied despite functioning in conditions of intensive contact with Russian and the literary standard. The aim of this study is to describe the morphological characteristics of the noun in the Alnashi local variety, a microsystem of the southern dialect. The article examines plural formation, the distribution of the markers *-os* and *-yos*, the number of cases within the declensional paradigm, and the inventory of inflectional suffixes. To identify the specific features of this variety, the data are compared with evidence from other Udmurt microsystems.

Materials and Methods. The empirical basis of the study comprises field materials collected by the author during expeditions conducted in 2024 and 2025 in settlements of the Alnash District of the Udmurt Republic, together with a corpus of texts recorded by students of the Institute of Udmurt Philology, Finno-Ugric Studies and Journalism. The research employs the descriptive method for the systematic analysis and verification of the empirical data. A comparative approach is used to identify systematic parallels with other dialect areas of the Udmurt language. The phenomena under investigation are examined from a diachronic perspective through the application of the comparative-historical method.

Results and Discussion. An analysis of noun morphology in the Alnashi subdialect has revealed a number of features that determine its status within the southern dialect group. The morphological system displays an expanded distribution of the plural suffix *-yos*, which occurs after both consonant-final and vowel-final stems; regressive assimilation of the stem vowel *-a-* to the following vowel *-o-* in the plural marker; and sporadic assimilation of the initial *-y-* of the plural suffix *-yos* to a preceding stem-final consonant. These phenomena are characteristic of the southern dialect proper and are also partially attested in certain northern and central subdialects. The case system shows a reduction in the paradigm due to the loss of the adverbial and approximative cases, whose functions have been transferred to analytic postpositional constructions. The phonetic forms of several case markers reveal isoglosses that distinguish southern subdialects from northern ones. In the plural accusative, the suffix *-yz* is used, whereas northern dialects employ *-ty*. The elative and egressive are marked by *-is'* and *-is'en*, respectively, compared with northern *-ys'* and *-ys'en*. Taken together, these features point to systematic linguistic developments within the southern dialect group and reflect an ongoing internal restructuring of its morphological system.

Conclusion. An analysis of noun morphology in the Alnash dialect reveals a substantial degree of similarity with other Southern Udmurt microsystems. Further areal research into the Lower Izh continuum and adjacent dialects is required to refine their internal classification and to reconstruct the evolutionary trajectories of their morphological structure.

Key words: Udmurt Language, dialectal morphology, Southern Dialects, Alnash Dialect, noun, plural, inflectional paradigm

Conflict of interest: The author declares no conflict of interest.

For citation: Abrosimova K.F. Morphological Features of the Noun of the Alnash Dialect of the Udmurt Language. *Finno-Ugric World*. 2026;18(3):347–361. <https://doi.org/10.15507/2076-2577.26183.347-361>

Введение

Глубокие социально-экономические и социокультурные трансформации современного общества приводят к существенным изменениям как в духовной сфере, так и в языковой системе. Эти процессы затрагивают также территориальные варианты национального языка, вызывая утрату многих архаических черт и нивелировку диалектов. Одновременно экстралингвистические факторы (миграция, смешение населения, урбанизация) способствуют формированию новых диалектных форм. Несмотря на существенные достижения в исследовании удмуртских диалектов, их территориальная вариативность остается описанной фрагментарно. В частности, это касается языкового ландшафта южной части Удмуртской Республики. В последние десятилетия южноудмуртские говоры, наряду с другими диалектами, подвергаются интенсивной ассимиляции со стороны русского языка. Одновременно изменения в диалектных микросистемах происходят под влиянием удмуртского литературного языка, что способствует нивелированию их особенностей на всех уровнях языковой системы. Эти факторы обуславливают актуальность комплексного исследования и многоаспектного анализа языковой специфики каждого отдельного говора, в том числе и микросистем южного диалекта.

Носителями южного диалекта удмуртского языка являются удмурты, проживающие в Алнашском, Киясовском и Граховском районах, а также в южных ареалах Малопургинского, Можгинского и Кизнерского районов Удмуртской Республики. Помимо этого, данный диалект представлен в нескольких населенных пунктах Агрызского и Менделеевского районов Республики Татарстан¹.

Объектом исследования настоящей работы является алнашский говор удмуртского языка. Данный говор представляет собой одну из микросистем в составе нижеижских говоров собственно южного диалекта удмуртского языка. В рамках нижеижских говоров на основании ряда языковых признаков выделяются два основных говора: алнашский и киясовский.

В структуре алнашского говора, в свою очередь, выделяются две подгруппы: варзинский и тойминский. Термин «варзинский» используется для обозначения южноудмуртского говора, локализованного в бассейне реки Варзи (правого притока реки Иж) и охватывающего язык удмуртов, проживающих в 14 населенных пунктах Алнашского района. В административном отношении эти поселения входят в 3 территориальных отдела Алнашского района: Кузобаевский, Муважинский и Варзи-Ягчинский. «Тойминским» назван говор, распространенный на территории бассейна реки Тоймы (правый приток реки Камы). Указанный говор охватывает 45 населенных пунктов, которые в административном отношении относятся к 9 территориальным отделам Алнашского района: Алнашскому, Азаматовскому, Асановскому, Байтеряковскому, Писеевскому, Ромашкинскому, Староутчанскому, Техникумовскому, Удмурт-Тоймобашскому.

Варзинский и тойминский говоры сближает ряд общих фонетико-морфологических черт. Тем не менее при более детальном рассмотрении выявляются дифференциальные признаки, позволяющие разграничить указанные диалектные микросистемы. Ключевое различие заключается в реализации фонемы *ы*. Согласно нашим полевым данным, для варзинского подговора характерно наличие двух вариантов фонемы: заднерядного *ъ* и среднерядного *ы*. В отличие от этого, в тойминском подговоре преобладает вариант, совпадающий по своим артикуляционно-акустическим характеристикам с фонемой *ы* удмуртского литературного языка. Эти наблюдения согласуются с данными П. И. Воронцова, который на основе инструментального анализа классифицирует гласный *ы* как неогубленный звук среднего ряда верхнего подъема.

¹ Кельмаков В.К. Краткий курс удмуртской диалектологии. Ижевск: Удмурт. гос. ун-т; 2006. 386 с.

Аллофон ʔ определяется им как неогубленный гласный средне-заднего ряда средне-нижнего повышенного подъема². Распространение данного звука в варзинском подговоре подтверждает его принадлежность к части южного диалекта.

Цель исследования заключается в системном описании и анализе морфологической системы имени существительного алнашского говора. Для достижения поставленной цели решались следующие исследовательские задачи: проанализировать специфику образования форм множественного числа с выявлением дистрибуции маркеров *-ос* и *-йос*, а также описать морфонологические процессы на стыке основы и суффикса; выявить особенности количественного состава падежной парадигмы; систематизировать инвентарь словоизменительных аффиксов, функционирующих в именной парадигматике говора; определить статус исследуемого явления путем сравнения полученных данных с материалами других микросистем удмуртского диалектного языка для выявления общих признаков южного наречия и дифференциальных черт алнашского говора.

Обзор литературы

Диалектная морфология в удмуртской лингвистике на сегодняшний день остается одной из наименее разработанных областей. Системному описанию подверглись преимущественно северноудмуртские диалекты, тогда как морфологические особенности других территориальных вариантов, особенно микросистем южного диалекта, исследованы фрагментарно. Существенный вклад в изучение северных диалектов внесен в исследованиях, содержащих комплексный анализ их фонетико-морфологических и лексических особенностей³ [1; 2]. Особое внимание уделяется функционированию имени существительного в структуре отдельных диалектных макросистем северного наречия [3; 4].

Исследованию падежной системы удмуртского языка посвящен ряд работ Н. В. Кондратьевой, в которых автор последовательно анализирует как нормативные, так и диалектные особенности данной грамматической категории [5–7]. Важное место в ее научном наследии занимают монографии и статьи, в которых рассматриваются вопросы генезиса, функционирования и семантической структуры падежной системы [8; 9]. Также заслуживает внимания и исследование ученым грамматической категории числа, в котором детально описаны механизмы выражения квантитативных отношений в современном удмуртском языке [10].

Сравнительный анализ падежных систем удмуртского литературного языка и диалектов представлен в исследовании, где акцентируется внимание на количественных и семантических расхождениях между нормативными и диалектными формами, преимущественно на материале северно-удмуртских говоров [11].

Значительный вклад в изучение категории падежа в пермских языках внесла коми исследователь Г. А. Некрасова. В ее работах представлен комплексный анализ падежных систем коми и удмуртского языков, включая их диалектные разновидности [12; 13]. Автор исследует генезис данных падежей в диахроническом аспекте, рассматривая эволюцию их семантики⁴; эти наблюдения получили дальнейшее развитие и систематизацию в последующих обобщающих трудах. На обширном диалектном материале ученым устанавливаются количественные расхождения в составе падежных парадигм пермских языков. Диалектная вариативность, по мнению

² Воронцов П.И. Вокализм удмуртских диалектов (в экспериментальном освещении): автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Ижевск, 1999. 18 с.

³ Карпова Л.Л. Фонетика и морфология среднечепецкого диалекта удмуртского языка: дисс. ... канд. филол. наук. Тарту, 1997. 224 с. <https://elibrary.ru/tgjezl>

⁴ Некрасова Г.А. Система L-овых падежей в пермских языках: происхождение и семантика: моногр. Сыктывкар: Коми науч. центр УрО РАН; 2002. 168 с. <https://elibrary.ru/uwufzh>

Г. А. Некрасовой, проявляется в доминировании тенденции к аналитизму в южно-удмуртских говорах при одновременном сохранении архаичных вариантов в ряде коми диалектов [14; 15].

Несмотря на значительные достижения в области изучения морфологии имени существительного пермских языков, степень исследованности удмуртских диалектов в этом аспекте остается неравномерной. Особенно это касается нижеижских говоров, именная парадигматика которых до сих пор не становилась предметом системного исследования.

Материалы и методы

Материалом исследования послужили полевые записи автора, собранные в 2024–2025 гг. в населенных пунктах Алнашского района Удмуртской Республики. В качестве дополнительного корпуса данных были использованы диалектологические тексты, записанные студентами Института удмуртской филологии, финно-угроведения и журналистики Удмуртского государственного университета в ходе полевых практик. Иллюстративный материал в работе приводится в фонематической транскрипции на кириллической основе, принятой в удмуртской диалектологии.

В основе исследования лежит описательный метод, который послужил основой для анализа и интерпретации собранных эмпирических данных. С целью установления параллелей между исследуемыми явлениями и их эквивалентами в других диалектных системах использован сравнительно-сопоставительный подход. Для объяснения языковых фактов в контексте их исторического развития применяется сравнительно-исторический метод. Фиксация языкового материала осуществлялась с использованием специально разработанной программы-вопросника, направленной на выявление и регистрацию вариативности языковых явлений на фонетическом, морфологическом и лексическом уровнях.

Результаты исследования и их обсуждение

1. Категория числа.

В рассматриваемом говоре, как и в целом в удмуртском языке, имена существительные имеют два числа: единственное и множественное. Единственное число не имеет грамматического показателя. Множественное число существительных преимущественно образуется при помощи суффиксов *-ос* в словах с основой, заканчивающейся на гласный, и суффикса *-йос* – в словах с основой на финальный согласный: *нылпи* ‘ребенок’ – *нылпиос* ‘дети’, *с'эмйа* ‘семья’ – *с'эмйаос* ‘семьи’, *н'им* ‘имя’ – *н'имйос* ‘имена’, *дыр* ‘время’ – *дырийос* ‘времена’. Примеры-предложения: ал.: тойм. *нылпиос* кун' куз'а вал (УГон.) «Детей [у меня] трое было»; ал.: вар. *и собэрэ сос тачч' с'эмйаосынызы* лыктил'л'ам, интыйас'кил'л'ам (Куз.) «И потом они сюда с семьями=своими прибыли, поселились»; ал.: тойм. *н'ук отын, та'чэ мур, и отын пыдэсаз писпуос* будэмын (УГон.) «Овраг там, вот такой глубокий, и там, на дне, деревья выросли»; ал.: вар. *кин'н'ос ай сос, кулакйос, баййос* (Кузев.) «Кто же они, кулаки, богачи»; ал.: вар. *й'рамъ ба'зэ'мэс' туго к'шиэтйос* дис'ас'ком вал (Мув.) «На голову мы надевали большие платки с бахромой»; ал.: тойм. *вот со трос вашкала гуртйос* п'олыс' со одигэз ба'зэ'ын гурт вылэм (Каз.) «Вот среди многих древних деревень она была одной из самых больших деревень». Подобное образование характерно для большинства других удмуртских говоров⁵.

Наряду с этим, нами зафиксировано достаточно много примеров, когда морфема *-йос* присоединяется не только к основам, оканчивающимся на согласный, но и к словам с основами на гласные *-и*, *-а*, *-о*: *пи* ‘мальчик, сын’ – *пийос* ‘мальчики, сыновья’, *чалма* ‘чалма’ – *чалмайос* ‘чалмы’, *куз'о* ‘хозяин’ – *куз'ойос* ‘хозяева’. Примеры-предложения:

⁵ Кельмаков В.К. Краткий курс удмуртской диалектологии.

ал.: тойм. *а тарэ пийосйос но өвёл ин* (УГон.) «А теперь и мужчин уже нет»; ал.: вар. *куз'ойос, куз'о карис'кьса, оз'ъ карэмън огшоры ад'амийэз, ста-до овэц карса* (Кузеп.) «Начальники, дорвавшись до власти ('хозяйничая'), вот так поступают с простыми людьми, в стадо овец превращают»; ал.: вар. *биз'ъса мьнис'ком вал со празн'икэ тус'тийосън, пун'ийосън, шобрэтийосън, пукс'онийосън* (Кузеп.) «Бегом [мы] бежали на этот праздник с тарелками, ложками, накидками, стульями»; ал.: тойм. *аэзысалзы кэ ваикалайосмы, с'улэмзы ик чигысал, дыр* «Если бы видели нас сейчас предки=наши, их сердца бы, наверное, не выдержали» ал.: тойм. *с'уан'чиос кошкыку гит'к'уаз'э укс'о паз'го, сэрэ сойэ л'укас'кэм пичийос бичало ини* (Аз.) «Уезжая, участники свадьбы во двор деньги рассыпают, потом собравшиеся дети их собирают»; ал.: тойм. *туж гажало вал мил'эмыз гуртойосмы* (Елк.) «Очень уважали нас наши односельчане=наши».

Подобное явление, хотя и в разной степени, можно наблюдать и в других южно-удмуртских говорах, включая среднеужный⁶, граховский⁷, кырыкмасские⁸. Также оно спорадически встречается в средневожных говорах⁹ и некоторых диалектных микросистемах северного наречия [14].

Вопрос о происхождении удмуртского суффикса множественного числа *-йос* (*-ос*) остается дискуссионным в финно-угроведении. Согласно одной из гипотез, которую разделяет и автор настоящей работы, данный показатель восходит к самостоятельному слову коми *йцз* ~ удм. *јоз* 'народ, люди'¹⁰. Другая точка зрения устанавливает связь между удмуртским суффиксом *-јос* и коми *-јас* с хантыйским словом *јах* 'народ, люди'¹¹. Исследователь П. Алвре рассматривает в качестве источника суффиксов коми *-јас* и *-јан* собирательный формант *-ја*, трактуя конечные элементы *-s* и *-n* как детерминанты¹². Согласно мнению Ш. Чуча и Н. В. Кондратьевой, маркер множественного числа в пермских языках восходит к самостоятельному слову *јасе* 'член', семантическое расширение которого привело к его грамматикализации в качестве показателя множественности [16].

Исходя из гипотезы о происхождении маркера множественности от слова *јоз*, форма с начальным *-й-* (*-йос*) является первичной, а вариант без него (*-ос*) – вторичным. Соответственно, вариант *-йос*, спорадически встречающийся в основах на финальный гласный, представляет собой архаическую форму. В дальнейшем в результате ослабления позиции *й* в интервокальном положении произошла трансформация данного маркера в форму *-ос*¹³.

В речи носителей алнашского говора наблюдается явление регрессивной ассимиляции гласной основы *-а-* имен существительных последующему гласному *-о-* суффикса множественного числа. Данный процесс иллюстрируют следующие примеры:

⁶ Архипов Г.А. Морфологические особенности среднеужного диалекта удмуртского языка I. В: О диалектах и говорах южноудмуртского наречия: сб. ст. и материалов. Ижевск: НИИ при Сов. Мин. УАССР; 1978. С. 3–46.

⁷ Атаманов-Эграпи М.Г. Песни и сказы ушедших эпох = Эгра кыр'э, Эгра вера. Ижевск: Удмуртия; 2005. 248 с.

⁸ Кельмаков В.К. Краткая характеристика кырыкмасских говоров южноудмуртского наречия I. В: Вопросы удмуртской диалектологии: сб. ст. Ижевск: Удмуртский НИИ истории, экономики, литературы и языка при Совете Министров Удмуртской АССР; 1977. С. 26–61. <https://elibrary.ru/zmfamp>

⁹ Бушмакин С.К. Фонетические и морфологические особенности средневожных говоров удмуртского языка: дисс. ... канд. филол. наук. Ижевск, 1971. 354 с.

¹⁰ Лыткин В.И. К происхождению суффикса множественного числа *-јос* в удмуртском языке. В: На удмуртские темы: сб. ст. Учен. зап. НИИ народов Сов. Востока при ЦИК СССР. М.: Центриздат; 1931. С. 107–111; Майтинская К.Е. Историко-сопоставительная морфология финно-угорских языков. М.: Наука; 1979. 263 с.; Budenz J. Az ugor nyelvek összenhasonlító alakana. Budapest: Magyar Tudományos Akadémia; 1884. 381 s.

¹¹ Ravila P. Über die Verwendung der Numeruszeichen in den uralischen Sprachen. *Finnisch-Ugrische Forschungen*. 1941;27(1–3):35–45; Uotila T.E. Zur Geschichte des Konsonantismus in den permischen Sprachen. Helsinki: Suomalais-ugrilainen seura; 1933. 446 s.

¹² Alvre P. Zur Frage nach der Entwicklung *ja, *jä > i in den uralischen Sprachen. *Sowjetische finnisch-ugrische Sprachwissenschaft*. 1965;1(1):11–20.

¹³ Карпова Л.Л. Фонетика и морфология среднечепецкого диалекта удмуртского языка.

бакчоос (< бакчаос) 'огороды', *остано·фкоос* (< *остано·фкаос*) 'остановки', *коркоос* (< *коркаос*) 'дома', *т'эхн'и·чкоос* (< *т'эхн'и·чкаос*) 'технички', *ручкоос* (< *ручкаос*) 'ручки', *школоос* (< *школаос*) 'школы'. В ряде случаев за этим процессом следует стяжение двух одинаковых гласных, что приводит к появлению таких форм, как *бакчос* (< *бакчоос* < *бакча* + -ос) 'огороды', *остано·фкос* (< *остано·фкоос* < *остано·фка* + -ос) 'остановки', *коркос* (< *коркоос* < *корка* + -ос) 'дома', *т'эхн'и·чкос* (< *т'эхн'и·чкоос* < *т'эхн'и·чка* + -ос) 'технички', *ручкос* (< *ручкоос* < *ручка* + -ос) 'ручки', *школос* (< *школоос* < *школа* + -ос) 'школы'. Примеры-предложения: ал тойм. *отын кы·чак столо·войос, остана·фкос* *каризы н'и, машина султон интыос* *өвөл* (Мук.) «Там теперь везде столовые, остановки уже построили, машину поставить мест нет»; ал.: тойм. *туш пичийэс' коркос вал отын* (СШуд.) «Очень маленькие дома были там»; ал.: вар. *и сэрэ сойэ шунт'н туртт'са т'эхн'и·чкос н'ил' час'н м'но вал ин өст'н* (Куз.) «И потом, чтобы ее [школу] согреть, технички в четыре часа уже шли топить [печи]»; ал.: тойм. *ми даутис'ком ручкосын ай, комп'утэр мар, т'эл'эфонйос* *дй вал ай* «Мы ручками пытались писать еще, компьютеров, телефонов не было еще»; ал.: тойм. *отис'ву бырэ кэ, колонкаис', оццы мынис'ком вэдросын* (Байт.) «Если там ('оттуда') вода заканчивалась, в колонке ('из колонки'), туда [к роднику] с ведрами шли»; ал.: тойм. *со ал'и марымэн... лэс'то ук, кыз'ы ай н'имас'кэ, по пла·ну лэс'тис'кэ, ал'и лэс'тыло ук* *школос, клубйос* (Елк.) «Сейчас это делают, как это... по плану все делается, сейчас ведь школы, клубы строят».

В алнашском говоре при образовании форм множественного числа имен существительных с основой на -о происходит фонетический процесс стяжения гласных: сочетание -оо- переходит в -о-. Некоторые примеры: *уробос* (< *уробо+ос*) 'телеги', *н'лк'ышнос* (< *н'лк'ышно+ос*) 'женщины', *кунос* (< *куно+ос*) 'гости'. Примеры-предложения: ал.: вар. *йу·ри уробос вал мар кэ куз'да, со корйосыз валын нуллыны* (Куз.) «Были специальные, очень длинные телеги, [чтобы] эти бревна вывозить на лошадях»; ал.: тойм. *кунос, корка пырыса, жёк с'оры пукс'о но кыр'зало* (Аз.) «Зайдя в дом, гости садятся за стол и поют [песни]». Аналогичная морфонологическая модель отмечена и в других микросистемах собственно южного диалекта, в частности в кыркмасских и среднеюжных говорах¹⁴.

В единичных случаях подобное фонетическое явление распространяется на имена существительные с основой на -ай (главным образом термины родства). Этот процесс является результатом последовательных фонетических изменений: сначала выпадает конечный согласный основы -й-, после чего гласный -а- ассимилируется гласным -о- показателя множественности, образуя сочетание -оо-, которое впоследствии подвергается стяжению: *апос* (< *апоос* < *апаос* < *апайос*) 'старшие сестры; тети'; *аноссы-атоссы* (< *анооссы-атооссы* < *анаоссы-атаоссы* < *анайоссы-атайоссы*) 'их родители'; *агос* (< *агоос* < *агаос* < *агайос*) 'старшие братья'. Примеры-предложения: ал.: тойм. *сэрэ татис' пизы солдатын вал, со бэртис но аносыз кужмыс' кышно вайытизы монэ* (Каз.) «И потом сын=их солдатом служил, он вернулся, и родители=его насильно заставили жениться на мне»; ал.: тойм. *анос-атос дырйа бон ай заготови-т'эл'нойос вал ук* (Шайт.) «Когда родители живы были, тогда ведь заготовительные работы были еще»; ал.: тойм. *гуртын колхоз с'ана уж өвөл ук, анос колхозын ужазы* (Шайт.) «В деревне ведь кроме колхоза работы не было, [поэтому] родители в колхозе работали». Подобное явление отмечается также в смежных среднеюжных и кыркмасских говорах¹⁵.

В алнашском говоре имеет место явление ассимиляции -й- показателя множественного числа -йос в позиции перед согласными основы *н, н', л, л', д, д', т, т', с', з'*. При сочетании твердого согласного с последующим -й- наблюдается явление

¹⁴ Кельмаков В.К. Краткая характеристика кыркмасских говоров южноудмуртского наречия I; Архипов Г.А. Некоторые вопросы фонетики среднеюжного диалекта удмуртского языка. *Ученые записки Тартуского государственного университета. Серия: Труды по филологии*. 1962;(117):189–206.

¹⁵ Там же.

прогрессивно-регрессивной ассимиляции. Этот процесс включает в себя два этапа: сначала *-й-* смягчает предшествующий твердый согласный основы, затем происходит ассимиляция *-й-* предшествующему согласному. Вследствие этого явления наблюдается значительная фонетическая вариативность в оформлении множественного числа. Можно выделить следующие формы: *-н'ос* (*кырзан'н'ос* < *кырзан'йос* < *кырзанйос* 'песни'), *-л'ос* (*пин'ал'л'ос* < *пин'ал'йос* < *пин'алйос* 'дети'), *-т'ос* (*удмурт'т'ос* < *удмурт'йос* < *удмуртйос* 'удмурты'), *-д'ос* (*бурд'д'ос* < *бурд'йос* < *бурдйос* 'крылья') и др. Примеры-предложения: ал.: тойм. *ну кыччы кэ но пин'ал'л'ос кошкыса вэтло вал ук* (Шайт.) «Ну куда-то дети ходили ведь [играть]»; ал.: тойм. *аз'ло аборт лэс'тон'н'ос ой вал ук* (Каз.) «Раньше аборт не делали же»; ал.: тойм. *чын папэз кад' огэз, но ин'вал'ид'д'ос луизы, пыд'д'оссы аламэс'* (Каз.) «Один [наш сын] очень на отца похож, но [оба сына] инвалидами стали, ноги больные»; ал.: тойм. *трос сыңэ марын... кырзан'н'осыз н'и солэн* (УГон.) «Много таких, как сказать... песен=его уже у него»; ал.: тойм. *татын гоштэмын то'жо, кыз'ы кэ но порйос, удмурт'т'ос лыктил'л'ам таччы* (УГон.) «Здесь написано тоже, что как-то марийцы, удмурты прибыли сюда»; ал.: вар. *ван' тэль-бурд'д'оссэ одно сутис'ком* (Кузев.) «Обязательно все перья сжигаем»; ал.: тойм. *мон ачим э у н' н' алас' бэрэ, са'мой вашкала гурт, кытис' потэмын тат'и ужэ к о т н ы р но мукэт гурт'т'ос* (Байт.) «Я сам родом из Старой Юмьи, самая старая деревня, от которой образовались здесь и Котнырево, и другие деревни». Наряду со случаями ассимиляции согласного *-й-* в идиоме фиксируются и примеры его сохранения. Данное явление не носит узколокального характера и фиксируется также в других диалектах удмуртского языка, в частности в северном наречии [14], средневожских¹⁶, отдельных южных¹⁷ и периферийно-южных говорах¹⁸, а также в бесермянском наречии¹⁹.

2. Категория падежа.

2.1. Согласно современным лингвистическим представлениям, система падежей удмуртского литературного языка включает в себя 15 падежных форм, которые традиционно классифицируются по выполняемым функциям. Выделяются падежи, выражающие субъектно-объектные отношения (номинатив, аккузатив, генетив, аблатив, датив, каритив, инструменталь, адвербиаль) и падежи, обозначающие пространственные отношения (инессив, иллатив, элатив, эгрессив, пролатив, терминатив, аппроксиматив)²⁰.

Количество падежей в диалектной системе удмуртского языка колеблется от 12 до 21, что свидетельствует о значительной вариативности падежного инвентаря²¹. Наиболее широкий набор падежных форм представлен в северных диалектах (15 до 21), что объясняется формированием в отдельных микросистемах вторичных пространственных падежей с показателем *-н'-* [14].

В ряде диалектов, в частности в периферийно-южных и отдельных южных говорах, наблюдается сокращение падежной системы до 12–13 падежей. Это явление связано с утратой адвербиала и аппроксиматива, функции которых были замещены

¹⁶ Бушмакин С.К. Ассимиляция в средневожских говорах удмуртского языка. *Советское финно-угроведение*. 1968;4:269–283.

¹⁷ Кельмаков В.К. Краткий курс удмуртской диалектологии.

¹⁸ Там же; Тараканов И.В. Некоторые явления ассимиляции, элизии и вставки звуков в удмуртском языке (На материале бавлинского диалекта). В: Труды Института языка и литературы АН ЭССР. Таллинн: Эстонское государственное издательство; 1960. С. 117–15; Тепляшина Т.И. Из наблюдений над фонетическими особенностями шошминского диалекта удмуртского языка. *Марийский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории. Труды. Вопросы языка, литературы и фольклора*. 1961;(15):125–139.

¹⁹ Тепляшина Т.И. Язык бесермян. Москва: Наука; 1970. 287 с.

²⁰ Грамматика современного удмуртского языка. Фонетика и морфология. Ижевск: Удмурт. кн. изд-во; 1962. 376 с.

²¹ Kel'makov V.K., Saarinen S. Udmurtin murteet. Turku, Iževsk: Turun yliopiston offsetpaino; 1994. 368 s. <https://elibrary.ru/zjiwjlj>

послеложными конструкциями²². Так, в красноуфимском говоре, характеризующемся минимальной падежной парадигмой, отсутствуют не только аппроксиматив, но и элатив. Функцию последнего в данном говоре выполняют формы пролатива²³.

В алнашском говоре выделяется 14 падежей (парадигма простого склонения существительных представлена в таблице).

В исследуемом говоре, как свидетельствуют наши полевые данные, наблюдается крайне редкое использование адвербиала (-йа) и полное отсутствие аппроксиматива (-лань). Чаще всего они заменяются послеложными конструкциями с послелогом *пала* и *с'аин'* / *с'амэн* соответственно: *урам пала* (лит. *урамлань*) 'по направлению к улице, в сторону улицы', *ныл с'аин'* (лит. *нылъя*) 'согласно мнению девочки'. Примеры-предложения: ал.: вар. *со кўала пала мынонтиын ик п а р с и* (Кузуб.) «В сторону этой молельни находится [гора] Парси»; ал.: тойм. *к о л т ы м а к пала ко-т'куд ар мэртто вал кийар но, кэшэр но кубиста* (Каз.) «[На участке] в сторону [реки] Колтымак каждый год высаживали и огурцы, и морковь, и капусту»; ал.: тойм. *соин ик нэрэс'йос с'аин гуртэз н'имал'лам* (Елк.) «Поэтому в соответствии [с утверждениями] старожилов деревню так называли»; ал.: вар. *тин'и татън улис'йос с'аин в а р з и б а ш кък гуртлэс' пöрмэмън* (Вар.) «Вот, в соответствии [с мнением] местных жителей, деревня Варзибаш образовалась из двух деревень».

Подобная особенность зафиксирована также в соседних кырымасских говорах²⁴.

2.2. В алнашском говоре некоторые различия обнаруживаются на уровне фонетического оформления падежных показателей.

2.2.1. В частности, в аккумулятиве множественного числа существительных исследуемого говора выступает суффикс -ыз, которому в северных диалектах и части срединных говоров соответствует формант -ты: ал. *кышэтийосыз* 'платки' // сев. *кышэтийосты*; ал. *удмуртийосыз* 'удмуртов' // сев. *удмуртийосты*; ал. *изйосыз* 'камни' //

Т а б л и ц а. Парадигма простого склонения существительных в алнашском говоре (на примере неодушевленного имени *урам* 'улица' и одушевленного *ныл* – 'девочка')
Table. The paradigm of simple declension of nouns in the Alnashi dialect (using the example of the inanimate name *uram* 'street' and the animate *nyl* – 'girl')

Падеж / Case	Единственное число / Singular number	
Номинатив / Nominative	<i>урам</i>	<i>ныл</i>
Аккузатив / Accusative	<i>урамэз</i>	<i>нылэз</i>
Генитив / Genetive	<i>урамлэн</i>	<i>ныллэн</i>
Аблатив / Ablative	<i>урамлэс'</i>	<i>ныллэс'</i>
Датив / Dative	<i>урамлы</i>	<i>ныллы</i>
Инструменталь / Instrumental	<i>урамэн</i>	<i>нылэн</i>
Каритив / Caritive	<i>урамтэк</i>	<i>нылтэк</i>
Адвербиаль / Adverbial	<i>урамйа</i>	<i>нылйа ныл с'аин</i>
Инессив / Inessiv	<i>урамын</i>	–
Иллатив / Illative	<i>урамэ</i>	–
Элатив / Elative	<i>урамис'</i>	–
Эгрессив / Egressive	<i>урамис'эн</i>	–
Пролатив / Prolative	<i>урамэти / урамти</i>	–
Терминатив / Terminative	<i>урамоз'</i>	–

Источник: таблица составлена автором.

Source: Table is compiled by the author.

²² Кельмаков В.К. Краткий курс удмуртской диалектологии.

²³ Насибуллин Р.Ш. Наблюдения над языком красноуфимских удмуртов. В: О диалектах и говорах южноудмуртского наречия: образцы речи. Ижевск: НИИ при Совете Министров Удмуртской АССР; 1978. С. 86–151. <https://elibrary.ru/ytgydh>

²⁴ Кельмаков В.К. Краткая характеристика кырымасских говоров южноудмуртского наречия I.

сев. *изйосты*. Примеры-предложения: ал.: вар. *со жёккышэйтйосъз бин'алтъса понис'ком вал оччъ, со вълэ туст'ъмэс понис'ком вал* (Вар.) «Эти скатерти, сложив, клали туда [в ящик], сверху свои тарелки клали мы»; ал.: вар. *аз'ло тан'и фэрмаосыз ван'зэ корлэс' пуктыло вал* (Куз.) «Раньше вот все фермы из бревен строили»; ал.: вар. *и да-жэ со изйосыз ваййосын вас'кытйаса, фундамэнт оз'ы лэс'тылил'лам былэм* (Куз.) «И даже эти булыжники на лошадях спускали, вот так фундамент строили, оказывается»; ал.: вар. *тин' со вакът удмуртйосъз эрэктэн крэст'ит' карълизъ* (Мув.) «Вот в тот период удмуртов насильно крестили»; ал.: вар. *старовэрийосъз чоктал'лам оз'ъ, а тарэ сосъз уччало* (Мув.) «Староверов вот так изгнали, а теперь их ищут». Данная особенность является характерной для большинства удмуртских говоров южной диалектной зоны. Как отмечает В. К. Кельмаков, маркеры *-ты* и *-ыз* аккузатива множественного числа восходят к прапермскому периоду, на что указывает наличие их соответствий также в коми языке²⁵.

2.2.2. В алнашском говоре, как и в других южноудмуртских диалектах, суффикс элатива функционирует в варианте *-ис'*, тогда как в северных диалектах [14] и в некоторых срединных говорах²⁶ он выступает в варианте *-ыс'*: ал. *гуртис'* // сев. *гуртыс'* «из деревни»; ал. *войнаис'* // сев. *войнаыс'* «с войны»; ал. *городис'* // сев. *городыс'* «из города»; ал. *бакчаис'* // сев. *бакчаыс'* «из огорода». Примеры-предложения: ал.: тойм. *сэрэ к и з' э к гуртис' мынам картэ вал, и сойэ но таччы ваим* (Байт.) «Вот мой муж из деревни Кизеково был, и его мы сюда привезли»; ал.: вар. *атэ войнаис' бэртса, мар кэ но марън ёс кар мил'эмъз, мукэт кышно шэт'тъса кошкыз* (Куз.) «Когда мой отец с войны вернулся, почему-то мы ему не нужны стали, к другой женщине ушел»; ал.: вар. *городис' бэртис'ком вал* (Кузев.) «[Мы] из города возвращались»; ал.: вар. *бакчаис' будос шёттэк шоръс' чужэктэ кэ, йёназъ ёвёл* (Мув.) «Если в огороде растение неожиданно желтеет, то это не к хорошему»; ал.: тойм. *вэдрайэн-вэдрайэн прицэнэ тырэ машинайаз, гурээ'ис' таччы вайэ* (Мук.) «Ведрями-ведрями сыпает [песок] в прицеп машины и возит сюда с горы»; ал.: тойм. *сэрэ бон воспитат'эл'л'ос но г л а з о вис' вал* (СШуд.) «И потом ведь и воспитатели из Глазова были».

Согласно мнению В. К. Кельмакова, формы с окончанием на *-и-* в южноудмуртских диалектах являются вторичными по отношению к более ранним формам на *-ы-*. Их появление объясняется ассимилятивным воздействием последующего палатального согласного *-с'*-²⁷.

2.2.3. В алнашском говоре, как и в других южноудмуртских диалектах, показателем эгрессива является суффикс *-ис'эн*, который в северных диалектах сохраняет свою архаичную форму *-ыс'эн*²⁸ [14]: ал. *(пичи) дырис'эн* // сев. *(пичи) дырыс'эн* «с детства»; ал. *(дас кък) арэскис'эн* // сев. *(дас кык) арэскыс'эн* «с двенадцати лет». Примеры-предложения: ал.: вар. *мъни но ой пъ'ръ, дотово дис'тис'тэм ад'ами вълэм пичи дърис'эн ин* (Куз.) «Пришел, но не зашел я [к ним], настолько стеснительным человеком я был, оказывается, с самого детства»; ал.: вар. *дас кък арэскис'эн кус'ки н'и мон ужанъ* (Кузев.) «С двенадцати лет я уже начала работать»; ал.: тойм. *гит'ку-аз'ис'эн нылэн пиосыз вал котырты кун' пол котырйас'кыто* (Елк.) «У хлева невесту с женихом заставляют лошадь три раза обойти»; ал.: тойм. *в и л' к э н н' у к ис'эн туш чэбэрэс' ныййосын пумис'кэм со* (Каз.) «Возле оврага Виль Кеннюк он встретил очень красивых девушек»; ал.: вар. *У в а ис'эн ик т а н' а н'имо нылэн ту-жэ зол эшйас'ким* (Куз.) «Еще в Уве («с Увы») мы очень подружились с девушкой по имени Таня».

²⁵ Кельмаков В.К. Краткий курс удмуртской диалектологии.

²⁶ Там же.

²⁷ Там же.

²⁸ Там же.

2.2.4. В системе пространственных падежей исследуемого говора одной из характерных особенностей является сохранение общефинно-угорской морфемы *-ла* в топонимах, восходящих к воршудно-родовым названиям с основой на *-а(-я)*²⁹.

В алнашском говоре данный аффикс регулярно фиксируется в инессиве, элативе, эгрессиве и терминативе. При этом в инессиве, эгрессиве и терминативе он выступает в сочетании с соответствующими падежными маркерами, а иллатив представлен суффиксом *-ла*: *с а л' л'алан* 'в Салье'; *с а л' л'ала* 'в Салью'; *с а л' л'алас'* 'из Сальи'; *с а л' л'алас'эн* 'от Сальи'; *м о ж г алан* 'в Можге'; *м о ж г ала* 'в Можгу'; *м о ж г алас'* 'из Можги'; *м о ж г алас'эн* 'от Можги'. Примеры-предложения: ал.: вар. *м о ж г алан* и *жс—б а л' э з' и н о с'урэс лэс'т'кузъ, шпал поттаса улимъ* (Вар.) «В [городе] Можге при строительстве железной дороги Ижевск–Балезино [мы] укладывали шпалы»; ал.: тойм. *с а л' л'ала мыныкы, марын... пойэзд кошкиз ук аз'амы* (СЮм.) «Когда в сторону Сальи шли, это самое... поезд проехал прямо перед нами»; ал.: вар. *тылоос бэрэ таччъ лъктил'л'ам г р а х о в о районис', б и г р алас'* но *к а з а к г у р т ис' ад'а-миос* (Куз.) «За жителями деревни Тыло сюда [в Кузюмово] приехали переселенцы из Граховского района, из Баграш-Бигры, из Казаково»; ал.: тойм. *окоп пинал'л'осыз м о ж г алас'эн вал'л'осын йу-н'ан' кэл'аны косизы* (НУт.) «Однажды детей заставили везти зерно с Можги (от Можги) на лошадях».

В рамках собственно южного диалекта функционирование форманта *-ла* отмечается также в кырымасских³⁰, граховских говорах³¹ и в среднеюжном диалекте, причем в последнем он выступает еще и в пролативной форме³². География данного явления не ограничивается южными говорами: оно фиксируется в речи старшего поколения носителей срединных говоров и северных диалектов, что подтверждается наблюдениями исследователей³³.

По мнению ученых, суффикс *-ла* восходит к финно-угорскому словообразовательному суффиксу **-l*³⁴ [17]. Первоначально в сочетании с воршудно-родовым именем он служил маркером, указывающим на место жительства рода. Ареальный анализ подтверждает его общность для финно-угорской топонимии: формант *-ла* широко представлен в прибалтийско-финских языках, в частности в финском, карельском, вепсском, эстонском, ижорском, где в сочетании с антропонимом он также обозначал локацию проживания человека, семьи или рода³⁵.

2.2.5. Пролатив имен существительных алнашского говора характеризуется функционированием фонетических вариантов *-ти*, *-эти*: *урамти* ~ *урамэти* 'по улице', *бакчати* ~ *бакчэти*. Примеры-предложения: ал.: вар. *пин'ал'л'ос гурэс'ти ддд'ыйэн миск'лало, лъмън погъл'л'ас'ко вал* (Мув.) «Дети с горки на санках катались, в снегу валялись было»; ал.: тойм. *тан'и ти вас'коды урамти, и пал'л'ан пала кыл'э пичигэс гынэ магаз'инмы, со вёзын ук мэдпункт, пал'л'ан палаз* (Елк.) «Вот вы спуститесь по улице, и с левой стороны останется маленький магазин, рядом с ним же медпункт, с левой стороны»; ал. тойм. *и вот к а д'и кти бажжын круг карыса, пэ, кошкис'ком вал и-л'и в а л н ы ш прудэти кошко вал* (Байт.) «И вот [они], дескать, через Кадиково шли, делая большой, или через пруд Ваньш уходили»; ал.: вар. *а кён'а г э р б э рйости вэтлэмын ин' мон!* (Куз.) «А на скольких праздниках Гербер (Герберах) я была!» Функционирование вариантов *-ти*, *-эти* пролативного показателя характерно в целом

²⁹ Тараканов И.В. Функции и значения л-овых падежей в удмуртском языке. В: Удмуртский язык: становление и развитие: сб. ст. Ижевск: Удмуртия; 2007. С. 122–128.

³⁰ Кельмаков В.К. Краткая характеристика кырымасских говоров южноудмуртского наречия I.

³¹ Атаманов-Эграпи М.Г. Песни и сказы ушедших эпох.

³² Архипов Г.А. Морфологические особенности среднеюжного диалекта удмуртского языка I.

³³ Кельмаков В.К. Краткий курс удмуртской диалектологии.

³⁴ Там же.

³⁵ Карлова О.Л. L-овая модель в топонимии Карелии: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Петрозаводск; 2004. 22 с.

для всех южных, периферийно-южных и срединных говоров³⁶. В севернoudмуртских диалектах его инвентарь значительно шире и включает следующие алломорфы: *-(э)т'и*, *-(ы)т'и*, *-(ы)т'*, *-(э)т'*, *-ки* [14].

Заключение

Таковы в целом отличительные явления в морфологии имени существительного алнашского говора. К наиболее характерным особенностям относятся следующие: 1) расширение сочетаемости суффикса множественного числа *-йос*, который присоединяется не только к основам на согласный, но и к основам на гласные *-и*, *-а*, *-о*; 2) регрессивная ассимиляция гласной основы *-а* имен существительных последующему гласному *-о* суффикса множественного числа; 3) спорадическая ассимиляция *-й* в составе маркера множественного числа *-йос* предшествующими согласными основы *н*, *н'*, *л*, *л'*, *д*, *д'*, *т*, *т'*, *с'*, *з'*; 4) сокращение падежной парадигмы до четырнадцати форм; 5) использование в аккумулятиве множественного числа суффикса *-ыз* (в отличие от *-ты* в северных диалектах); 6) употребление в элативе и эгрессиве суффиксов *-ис'* и *-ис'эн* (на месте *-ыс'* и *-ыс'эн* северных диалектов); 7) замена адвербиала (*-йа*) и аппроксиматива (*-лань*) послеложными конструкциями.

Анализ материала подтверждает, что исследуемая диалектная микросистема имеет с другими южноудмуртскими говорами общие тенденции в образовании форм множественного числа, фонетическом оформлении падежных маркеров и количественном составе падежей. Эти черты свидетельствуют о системном характере процессов, протекающих в южном наречии. Углубленное исследование нижеижского языкового ареала и соседних микросистем открывает перспективы для дальнейшего описания диалектной морфологии.

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

1. Названия населенных пунктов.

Аз. – д. Азаматово, Байт. – д. Байтеряково, Вар. – д. Варзибаш, ВУт. – д. Верхний Утчан, Дят. – д. Дятлево, Елк. – д. Елкибаево, Кад. – д. Кадиково, Каз. – д. Казаково, Киз. – д. Кизеково, Куз. – д. Кузюмово, Кузед. – д. Кузедбаево, Мув. – д. Муважи, Мук. – Мукшур, НАс. – д. Нижнее Асаново, НУт. – д. Новый Утчан, СШуд. – Старая Шудья, СЮм. – Старая Юмья, УГон. – д. Удмуртское Гондырево, Шайт. – Шайтаново.

2. Названия языков и диалектов.

Ал. – алнашский говор собственно южного диалекта удмуртского языка, вар. – варзинский говор собственно южного диалекта удмуртского языка, лит. – удмуртский литературный язык, сев. – северное наречие удмуртского языка, тойм. – тойминский говор собственно-южного диалекта удмуртского языка.

ABBREVIATIONS

1. Names of settlements.

Аз. – village Azamatovo, Байт. – village Baiteryakovo, Вар. – Varzibash village, ВУт. – village of Verkhniy Utchan, Дят. – village Dyatlevo, Елк. – village Elkibaev, Кад. – village Kadikovo, Каз. – village Kazakovo, Киз. – village Kizekovo, Куз. – village Kuzyumovo, Кузед. – village Kuzebaev, Мув. – village Muvazhi, Мук. – Mukshur, НАс. – Nizhnee Asanovo village, НУт. – village Novy Utchan, СШуд. – Old Shudya, СЮм. – Old Yumya, УГон. – Udmurtskoe Gondyrev village, Шайт. – Shaitanovo.

³⁶ Кельмаков В.К. Краткий курс удмуртской диалектологии.

2. Names of Languages and Dialects.

Ал. – Alnash Subdialect of the actual Southern Dialect of the Udmurt Language, вар. – Varzinsky Subdialect of the actual Southern Dialect of the Udmurt Language, лит. – Udmurt literary language, сев. – Northern Dialect of the Udmurt Language, тойм. – Toima Subdialect of the Southern Dialect of the Udmurt Language.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Карпова Л.Л. Дебесские говоры в системе удмуртских говоров Верхней Чепцы. *Вестник Удмуртского университета. Серия: История и филология*. 2015;25(5):48–56. URL: <https://journals.udsu.ru/history-philology/article/view/3495> (дата обращения: 14.04.2026).
2. Карпова Л.Л. Морфологические особенности имени существительного нижнечепецкого диалекта удмуртского языка. *Вестник Удмуртского университета. Серия: История и филология*. 2016;26(3):107–114. URL: <https://journals.udsu.ru/history-philology/article/view/3252> (дата обращения: 14.04.2026).
3. Карпова Л.Л. Морфологические различия в северных диалектах удмуртского языка. *Linguistica Uralica*. 2016;52(3):209–227. <https://doi.org/10.3176/lu.2016.3.06>
4. Карпова Л.Л. Морфологические маркеры нижнечепецкого диалекта удмуртского языка. *Ежегодник финно-угорских исследований*. 2017;11(1):7–24. URL: <https://journals.udsu.ru/finno-ugric/article/view/2081> (дата обращения: 10.04.2025).
5. Кондратьева Н.В. Семантическая структура родительного падежа в современном удмуртском языке. *Вестник Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова. Серия: Гуманитарные науки*. 2010;(4):129–132. <https://elibrary.ru/nbnmmr>
6. Кондратьева Н.В. Межкатегориальные связи глагольной и именной количественности в удмуртском языке. *Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология*. 2010;(6):58–64. <https://elibrary.ru/mwchdn>
7. Кондратьев Н.В. Иллатив или терминатив?.. К вопросу о семантической структуре входного и предельного падежей в удмуртском языке. *Вестник Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева*. 2011;(1):159–164. <https://elibrary.ru/nipnjv>
8. Кондратьева Н.В. К вопросу о явлении двупадежности в современном удмуртском языке. *Вестник Удмуртского университета. Серия: История и филология*. 2011;(2):111–117. <https://elibrary.ru/nuxneb>
9. Карпова Л.Л., Кондратьева Н.В. Система пространственных падежей в современном удмуртском языке: литературный язык vs диалекты. *Финно-угорский мир*. 2014;6(3):32–37. URL: <https://csfu.mrsu.ru/arh/2014/3/32-37.pdf> (дата обращения: 10.04.2025).
10. Кондратьева Н.В. Способы передачи семантических значений удмуртского инструментального падежа на финский язык. *Вестник Челябинского государственного университета*. 2009;(7):78–81. <https://elibrary.ru/mstzwx>
11. Кондратьева Н.В. К вопросу о грамматической категории числа имен существительных в удмуртском языке. *Вестник Удмуртского университета. Серия: История и филология*. 2010;(2):92–101. <https://elibrary.ru/megwgj>
12. Некрасова Г.А. Варьирование падежных суффиксов в современном удмуртском языке. *Ежегодник финно-угорских исследований*. 2020;14(1):25–33. URL: <https://journals.udsu.ru/finno-ugric/article/view/5057> (дата обращения: 24.04.2026).
13. Некрасова Г.А. Периферийные языковые единицы в коми-пермяцком языке. *Вестник угроведения*. 2016;6(1):44–49. URL: <https://vestnik-ugrovedenia.ru/ru/content/периферийные-языковые-единицы-в-коми-пермяцком-языке> (дата обращения: 14.04.2026).
14. Некрасова Г.А. Конкуренция грамматических форм в семантической зоне адвербиала в удмуртском языке. *Вестник угроведения*. 2016;6(3):59–68. URL: <https://vestnik-ugrovedenia.ru/ru/content/конкуренция-грамматических-форм-в-семантической-зоне-адвербиала-в-удмуртском-языке> (дата обращения: 14.04.2026).
15. Некрасова Г.А. Изменения в падежной системе коми-пермяцкого языка XIX–XX вв. (по материалам письменных источников). *Ежегодник финно-угорских исследований*. 2016;10(3):7–16. URL: <https://journals.udsu.ru/finno-ugric/article/view/2517> (дата обращения: 14.04.2026).

16. Csúcs S. Die Rekonstruktion der permischen Grundsprache: a monográfia. Budapest: Akadémiai Kiadó; 2005. 410 s.
17. Некрасова Г.А. Категория падежа имени существительного в пермских языках. Сыктывкар: Коми науч. центр УрО РАН; 2023. 516 с. <https://doi.org/10.19110/978-5-89606-638-5>

REFERENCES

1. Karpova L.L. Debess Dialects in the System of the Upper Cheptsá Udmurt Dialects. *Bulletin of Udmurt University. Series: History and Philology*. 2015;25(5):48–56. (In Russ., abstract in Eng.) Available at: <https://journals.udsu.ru/history-philology/article/view/3495> (accessed 14.04.2026).
2. Karpova L.L. Morphological Features of the Noun of the Lower Cheptsá Dialect of the Udmurt Language. *Bulletin of the Udmurt University. Series: History and Philology*. 2016;26(3):107–114. (In Russ., abstract in Eng.) Available at: <https://journals.udsu.ru/history-philology/article/view/3252> (accessed 14.04.2026).
3. Karpova L.L. Morphological Differences in the Northern Dialects of the Udmurt Language. *Linguistica Uralica*. 2016;52(3):209–227. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.3176/lu.2016.3.06>
4. Karpova L.L. Morphological Markers of the Lower Cheptsá Dialect of the Udmurt Language. *Yearbook of Finno-Ugric Studies*. 2017;11(1):7–24. (In Russ., abstract in Eng.) Available at: <https://journals.udsu.ru/finno-ugric/article/view/2081> (accessed 10.04.2026).
5. Kondrateva N.V. Semantic Structure of the Genitive in the Contemporary Udmurt Language. *Vestnik Yaroslávskogo Gosudarstvennogo Universiteta im. P. G. Demidova. Serija Gumanitarnye Nauki*. 2010;(4):129–132. (In Russ., abstract in Eng.) <https://elibrary.ru/nbnmr>
6. Kondratjeva N.V. Intercategorical Relations of Verbal and Nominal Quantity in the Udmurt Language. *Perm University Herald. Russian and Foreign Philology*. 2010;(6):58–64. (In Russ., abstract in Eng.) <https://elibrary.ru/mwchdn>
7. Kondrateva N.V. [Illative or Terminative?.. On the Issue of the Semantic Structure of the Introductory and Liminal Cases in the Udmurt Language]. *Bulletin of Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafyev*. 2011;(1):159–164. (In Russ.) <https://elibrary.ru/nipnjv>
8. Kondratyeva N.V. About the Problem of “Double Case” in the Contemporary Udmurt Language. *Bulletin of Udmurt University. Series: History and Philology*. 2011;(2):111–117. (In Russ., abstract in Eng.) <https://elibrary.ru/nuxneb>
9. Karpova L.L., Kondrateva N.V. [The System of Spatial Cases in the Modern Udmurt Language: Literary Language vs Dialects]. *Finno-Ugric World*. 2014;6(3):32–37. (In Russ.) Available at: <https://csfu.mrsu.ru/arh/2014/3/32-37.pdf> (accessed 10.04.2026).
10. Kondrateva N.V. [Methods of Conveying the Semantic Meanings of the Udmurt Instrumental Case into Finnish]. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2009;(7):78–81. (In Russ.) <https://elibrary.ru/mstzwx>
11. Kondrateva N.V. Category of Substantive Number in Udmurt. *Bulletin of the Udmurt University. Series: History and Philology*. 2010;(2):92–101. (In Russ., abstract in Eng.) <https://elibrary.ru/megwgj>
12. Nekrasova G.A. Variation of Case Suffixes in the Modern Udmurt Language. *Yearbook of Finno-Ugric studies*. 2020;14(1):25–33. (In Russ., abstract in Eng.) Available at: <https://journals.udsu.ru/finno-ugric/article/view/5057> (accessed 24.04.2026).
13. Nekrasova G.A. Peripheral Language Units in the Komi-Permyak Language. *Bulletin of Ugric Studies*. 2016;6(1):44–49. (In Russ., abstract in Eng.) Available at: <https://vestnik-ugrovedenia.ru/ru/content/периферийные-языковые-единицы-в-коми-пермяцком-языке> (accessed 04.14.2026).
14. Nekrasova G.A. Interchange of Grammatical Forms in a Semantic Zone of an Adverbial in the Udmurt Language. *Bulletin of Ugric Studies*. 2016;6(3):59–68. (In Russ., abstract in Eng.) Available at: <https://vestnik-ugrovedenia.ru/ru/content/конкуренция-грамматических-форм-в-семантической-зоне-адвербиала-в-удмуртском-языке> (accessed 14.14.2026).

15. Nekrasova G.A. Changes in the Case System of the Komi-Permyak Language in the 19th–20th Centuries (on Materials from Written Sources). *Yearbook of Finno-Ugric Studies*. 2016;10(3):7–16. (In Russ., abstract in Eng.) Available at: <https://journals.udsu.ru/finno-ugric/article/view/2517> (accessed 14.04.2026).
16. Csúcs S. Die Rekonstruktion der permischen Grundsprache: a monográfia. Budapest: Akadémiai Kiadó; 2005. 410 s. (In Hung.)
17. Nekrasova G.A. The Category of the Noun Case in the Permian Languages. Syktyvkar: FRC Komi Science Centre Ural Branch RAS; 2023. 516 p. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.19110/978-5-89606-638-5>

Информация об авторе:

Абросимова Кристина Федоровна, аспирант Удмуртского федерального исследовательского центра Уральского отделения РАН (426004, Российская Федерация, г. Ижевск, ул. Т. Барамзиной, д. 34), старший преподаватель Института удмуртской филологии, финно-угроведения и журналистики Удмуртского государственного университета (426034, г. Ижевск, ул. Университетская, д. 1), ORCID: <https://orcid.org/0009-0004-9051-4087>, SPIN-код: 6353-2328, kristi.bubina@gmail.com

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Поступила 13.04.2026; одобрена после рецензирования 01.06.2026; принята к публикации 05.06.2026.

Information about the author:

Kristina F. Abrosimova, Postgraduate student, Udmurt Federal Research Center, Ural Branch of the RAS (34 T. Baramzina St., Izhevsk 426004, Russian Federation), Senior lecturer, Institute of Udmurt Philology, Finno-Ugric Studies and Journalism, Udmurt State University (1 Universitetskaya St., Izhevsk 426034, Russian Federation), ORCID: <https://orcid.org/0009-0004-9051-4087>, SPIN-code: 6353-2328, kristi.bubina@gmail.com

The author has read and approved the final manuscript.

Submitted 13.04.2026; revised 01.06.2026; accepted 05.06.2026.